

Володин Сергей Филиппович

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30-50-Х ГГ. XX В.

В статье рассматривается опыт осмысления историографией 1930-1950-х гг. проблем эффективности труда в годы нэпа. Подвергнуты анализу работы Э. Генкиной, Е. Кудюмовой, П. Лященко, А. Матюгина, А. Поселяниной, М. Юраго и др. В 30-е гг. власть поставила перед советскими историками задачу осмысления советского периода с позиции жесткого идеологического канона. Этому канону также следовали авторы, изучавшие проблемы эффективности труда в годы нэпа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 36-40. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Война** // Русское слово. 1904. 23 (10) ноября.
2. **Групповой снимок офицеров и сестер милосердия** // Воткинский музей истории и культуры (ВМИК) – 5788.
3. **Групповой фотопортрет. Матросы Тихоокеанского флота из Прикамья. Команда эсминца «Расторопный»** // Музей истории и культуры Среднего Прикамья (МИКСП). Ф-15, 1315-НВ.
4. **Отчет Вятского местного управления РОКК, состоящего под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, за 1904 год.** Вятка, 1905. 194 с.
5. **Рекомендация Ю. А. Алленовой** // ВМИК – 6051/7.
6. **Свидетельство о награждении серебряной медалью «За усердие» Ю. А. Алленовой** // ВМИК – 6051/6.
7. **Сестры милосердия России** / под ред. Н. А. Белякова. СПб., 2005. 391 с.
8. **Тимашев Н. С.** Порт-Артур: воспоминания участников. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 412 с.
9. **Трудовой список Ю. А. Алленовой, медсестры Елизаветинской общины с 1900 по 1921 г.** // ВМИК – 6051/13.
10. **Удостоверение к золотой медали Ю. А. Алленовой** // ВМИК – 6051/2.
11. **Удостоверение к медали Ю. А. Алленовой** // ВМИК – 6051/3.
12. **Удостоверение к медали Ю. А. Алленовой** // ВМИК – 6051/5.
13. **Фотография групповая. Медицинский персонал лазарета Елизаветинской общины Красного Креста** // ВМИК – 339.
14. **Фотография групповая. Медперсонал и больные Обуховской больницы. Ленинград, август 1926 г.** // ВМИК – 6053.
15. **Фотография групповая. Медперсонал и раненые госпиталя** // ВМИК – 6052.
16. **Фотопортрет групповой** // ВМИК – 6057.
17. **Фотопортрет. Тоначев Семен Васильевич, участник русско-японской войны** // МИКСП. Ф-15, 1315-НВ.

IN THE WAKE OF OLD PHOTOS (TO HISTORY OF THE RUSSIAN-JAPANESE WAR)

Volkova Lyutsiya Apollosovna, Ph. D. in History, Associate Professor
 Rubanova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
 Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko
 snovalyuciya@mail.ru; ivladu@mail.ru

The article considers the source studies potential of previously unpublished photos stored in the museums of Udmurtia. By the example of the analysis of the personal photos and written documents of the sailor of the destroyer «Rastoropnyi» S. V. Tonachev and the sister of charity of the Elizabethan Community of Sisters of Charity of the Russian Red Cross Society Yu. A. Allenova some pages of their lives during the Russian-Japanese war are revealed. The conclusion is made about the heroic past of individual citizens, and the information capacity of photographs depicting the historical situation of the era is estimated.

Key words and phrases: museum photographs; source studies potential; the Russian-Japanese War (1904-1905); sailor of destroyer «Rastoropnyi» S. V. Tonachev; sister of charity Yu. A. Allenova.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматривается опыт осмысления историографией 1930-1950-х гг. проблем эффективности труда в годы нэпа. Подвергнуты анализу работы Э. Генкиной, Е. Кудюмовой, П. Лященко, А. Матюгина, А. Поселяниной, М. Юраго и др. В 30-е гг. власть поставила перед советскими историками задачу осмысления советского периода с позиции жесткого идеологического канона. Этому канону также следовали авторы, изучавшие проблемы эффективности труда в годы нэпа.

Ключевые слова и фразы: заработная плата; нэп; производительность труда; рационализация производства; трудовая дисциплина.

Володин Сергей Филиппович, к.и.н., доцент

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 volodin93@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30-50-Х ГГ. XX В. ©

С начала 30-х гг. со стороны власти формируется ясный заказ на написание новейшей советской истории с позиции победившего курса на форсированную индустриализацию. Это означало, что историческое видение советского периода, в т.ч. и новой экономической политики, должно было отвечать ряду важных критериев – целостности, дидактичности, мобилизационному достижению поставленных целей, борьбе с вредительством «врагов народа», провиденциализму вождей партии. Ем. Ярославский в связи с этим писал, что в работах Ленина 1918 г., 1921 г., 1923 г. мы прослеживаем «одну и ту же мысль, один и тот же гениальный план развертывания социалистического наступления на путях нэпа» [9, с. 14]. Нэп являлся временной политикой

отступления, но это был маневр для перегруппировки сил и нового наступления. Между тем голый схематизм, жупелом которого стал М. Н. Покровский, обладал существенным изъяном: он не обладал притягательной изобразительностью, свойственной лучшим работам зарубежных и дореволюционных историков. Поэтому майское постановление ЦК партии и СНК 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах СССР потребовало дополнить «правильный» разбор и обобщение излагаемых фактов их изображением в живой и занимательной форме. К. Радек, говоря о причинах укоренившегося схематизма, не без двусмысленности указывал на слабый научный багаж молодых историков, сформировавшихся «приблизительно с 1919 по 1923 год». Этот-де «недостаток накопленного знания толкал их в направлении замены конкретной истории учением об исторических формациях, т.е. общими социологическими рассуждениями, в которые вкраплялись в качестве иллюстраций конкретные факты» [7, с. 24]. Причем применительно к написанию истории партии К. Радек точно сформулировал родовый изъян подобной печатной продукции. Она не представляла анализ движения пролетариата, история России сводилась к одним партийным резолюциям [Там же, с. 28].

По мере своих сил молодые историки, да и опытные в ремесле специалисты пытались исправить существующее положение дел на этом участке исторического фронта, говоря на языке того времени. Причем положительный вклад в это дело могли внести занятые в проекте написания истории фабрик и заводов, творящие не без успеха в особом документально-публицистическом жанре. В частности, ряд статей по интересующей нас теме был опубликован на страницах журнала «Борьба классов» – органе общества историков-марксистов при Комкадемии. Так, в двояном номере, посвященном истории Москвы, был опубликован яркий исторический очерк А. Поселяниной о восстановлении завода «Серп и молот» [6]. Повествуя о технических и организационных трудностях восстановления металлургического производства, автор точными мазками характеризовала социальные типы, занятые восстановлением завода. Это могли быть пленные кубанцы, бывший гужоновский мастер, кадровики-«старички» и другие. Пусть и несколькими предложениями, но А. Поселянина давала читателю представление о сложных организационных проблемах производства: низкой квалификации молодых рабочих, высоком уровне травматизма, слабой дисциплине, фактах «волынок». Конечно, данная статья была написана в особом очерковом жанре, и ее автор не углублялся в анализ причинно-следственных связей производственных и социально-экономических явлений. Поэтому П. Парадизов со страниц того же печатного издания призывал: «Мы обязаны пойти дальше, в направлении создания ряда подлинно научных специальных монографий и больших работ обобщающего характера, больших и мастерски исполненных исторических полотен» [5, с. 20].

Однако до фундаментальных монографий, посвященных нэповскому периоду советской экономики, было еще далеко. Тем не менее, в середине 40-х гг. в исторической периодике публикуются несколько статей по данной проблематике. В частности, в № 3 «Исторического журнала» за 1945 г. вышла в свет статья М. Юраго, в которой рассматривались вопросы восстановления промышленности Петрограда в 1921-1923 гг. [8]. Прежде всего, в ней подробно освещались разные грани хозяйственной разрухи городского промышленного потенциала. Если, например, до 1914 г. металлопромышленность составляла 40% промышленного бюджета города, то в 1921 г. – всего 17%. К тому же события февраля-марта 1921 г., о которых автор упомянул буквально несколько слов, выступили дополнительным импульсом к восстановлению промышленного потенциала Петрограда. Естественное, что в чрезвычайных условиях разрухи и топливного кризиса включалась чрезвычайная логика управленческих действий, заключающаяся в мобилизации материальных и трудовых ресурсов для размораживания заводов в прямом и переносном смыслах этого слова. Конечно, автор должен был повторить традиционный обвинительный сюжет о вредительстве троцкистов и зиновьевцев, злонамеренно лишавших заводы Петрограда нужных им заказов. «Только после протеста заводов, рабочих и центральных профсоюзных организаций (*против зиновьевцев* – С. В.) положение изменилось» [Там же, с. 38]. В результате уже в августе 1922 г. Невский завод выпустил первый товарный паровоз по приемлемой цене и качеству. Впрочем, лишь этот частный пример служил для автора доказательством общего успеха восстановления промышленности Петрограда к 1923 г.

В лучшую сторону отличалась статья А. Матюгина 1947 г., в которой с опорой на архивные источники анализировались конкретно-исторические особенности функционирования нэповской экономики на примере промышленных предприятий столицы. Автор также приводил весомые данные о существенном разрушении городской промышленности, когда к лету 1920 г. бездействовали 406 московских предприятий, в т.ч. 214 заведений текстильного производства. Да и действовавшие предприятия не работали в полную мощность. Количество рабочих Москвы сократилось с довоенных 148 тыс. до 87 тыс. человек к концу гражданской войны [4, с. 36-37]. В условиях голода и нужды, разрушения коммунального хозяйства рабочие прибегали к приработкам, нарушали трудовую дисциплину, что самым отрицательным образом сказывалось на выпуске продукции. Тогда же в начале 1921 г. на фоне резкого ухудшения продовольственного снабжения недовольство охватило «и часть столичного пролетариата», подогреваемое разношерстными «врагами народа» [Там же, с. 39]. Для нейтрализации опасного недовольства рабочих потребовались чрезвычайные организационные усилия, направленные на стабилизацию материального положения. Именно в этих тяжелых условиях и было принято решение о проведении в жизнь новой экономической политики, предусматривающей коренную перестройку работы промышленности на началах хозяйственного расчета. Началось восстановление промышленности, загрузка простаивающих мощностей, наблюдался рост производительности труда. Уже в 1923 г. продукция столичной промышленности в три раза превысила уровень 1920 г., а численность рабочих увеличилась за это время на 18,4%. Росла реальная заработная плата московских рабочих. В декабре 1924 г. она составила 119% к довоенному уровню; улучшалась структура потребительских расходов трудящихся [Там же, с. 44-47].

Подчеркивая прежде всего фактор сознательности в проявлениях трудовой и политической активности московских рабочих, автор также затронул некоторые проблемы повышения эффективности труда. Как отмечалось в статье, на московских предприятиях были повышены производственные нормы, проведены мероприятия по уплотнению восьмичасового рабочего дня и укреплению трудовой дисциплины. Причем существенный вклад в это дело, отмечалось далее, сыграли производственные комиссии и совещания, инициатива комсомольского актива. «Комсомольские ячейки открыли борьбу за уменьшение прогулов, ликвидацию простоев, увеличение интенсивности труда, бережное отношение к инструментам, материалам и производственной одежде, за максимальное использование рабочего времени. Прогульщики, лодыри и пьяницы были объявлены врагами рабочего класса. На некоторых заводах комсомольцы организовали показательные процессы под названием «Суд над лодырем». Передовые фабричные организации создали ударные молодежные группы, которые поставили перед собой задачу добиться перевыполнения производственных норм» [Там же, с. 53]. Свой вклад в общий процесс трудового подъема вносили и кадровые рабочие. Понятно, что некоторые стороны фабрично-заводской жизни столицы А. Матюгин не освещал. Тем не менее, основной комплекс ее проблем, в том числе касающихся таких важных сторон, как рабочее жилье и организация городской инфраструктуры, автор попытался представить.

Утвердившаяся в историографии схема анализа нэповского периода должна была варьироваться в зависимости от эмпирического объекта и значимости ранга деятелей ВКП(б), участвовавших в восстановительном процессе. Так, в 1920 г. к восстановлению Донбасса был причастен И. В. Сталин как председатель Совета трудовой армии. Поэтому Е. Курдюмова, повествуя о восстановлении Донбасса в 1921-1925 гг., немало место уделила именно 1920 г. [2]. При этом она подробно разъясняла вредительскую позицию оппозиционеров по профсоюзному вопросу. Ведь Г. Л. Пятаков, возглавивший южную угольную промышленность, «пытался осуществить в Донбассе «государствление» профсоюзов, сращивание профсоюзных органов с хозяйственными» [Там же, с. 10]. Оппозиция была разбита, однако продовольственный кризис с весны 1921 г. обернулся существенным сокращением рабочей силы бассейна, снижением производительности труда, общему падению добычи угля. Потребовались чрезвычайные организационные усилия, на Донбасс была направлена комиссия СТО, которая разработала мероприятия по оздоровлению угледобычи. Не раскрывая сути этих мероприятий, особенностей их воплощения, автор лишь констатировала, что в результате их осуществления добыча угля стала быстро расти. При этом точно такой же способ рассмотрения материала автор демонстрировала и дальше. Как отмечалось в статье, росту угледобычи в 1922 г. и 1923 г. «способствовало улучшение системы управления, осуществление концентрации производства, внедрение хозрасчета и общее улучшение положения в стране, в частности, в деле разрешения продовольственного вопроса» [Там же, с. 14].

Гораздо большее внимание в статье было уделено мобилизационной кампании 1924 г., направленной на рост производительности труда. Ключевую роль в ней, по представлению Е. Курдюмовой, сыграли рабочие конференции, обеспечившие рост сознательности и трудового энтузиазма горняков. Производственная программа 1923/24 хоз. года была выполнена на 132%, также существенно снизилась себестоимость донецкого угля. Впрочем, за счет чего и насколько она снизилась, автор не уточняла. Наряду с восстановлением и переоборудованием старых шахт началось строительство новых угольных предприятий. В 1927 г. Донбасс достиг довоенной угледобычи.

В отличие от публикации Е. Курдюмовой, статья видного экономиста П. И. Лященко, опубликованная в 1953 г. в том же журнале, отличалась качественно другим уровнем анализа [3]. В частности, в ней не только подробно освещались вопросы организации трестов, но и указывались существенные противоречия в этом типе организации промышленности. Некоторые из них пришлось устранять в решениях 1923 г., усиливших как значение трестов, так и центральных органов управления. Непростым оказался и опыт реализации промышленной продукции. В начале нэпа при неполной нагрузке предприятий накладные расходы и продажные цены оказывались слишком высокими и товары не получали сбыта. Как результат, возникли синдикаты. Подчеркивал автор и сохранившиеся противоречия в положении с заработной платой. Хотя к 1924-1925 гг. она существенно выросла, «по-прежнему сохранялся двойственный характер оплаты, и преобладала натуральная выдача» [Там же, с. 47]. При этом, конечно, основным лейтмотивом статьи являлся показ достижений восстановительного периода, создавших условия для перспективного роста национальной экономики.

В фундаментальной работе Э. Б. Генкиной, посвященной становлению новой экономической политики, вопросы руководства промышленностью в эти годы автор стремилась рассматривать в русле пошагового осуществления стройной системы мероприятий правительства. «В этом смысле И. В. Сталин и указывал, что постановка новых задач и изменение методов руководства промышленностью является *четвертым шагом* новой экономической политики» [1, с. 224]. Однако реальная канва событий не вполне соответствовала стройной схеме. В последовательном ряду принятых решений по промышленной политике, подробно излагаемых автором, прослеживались разные по реальному значению феномены. На самом деле, как и в случае с продовольственной политикой, политическое руководство настойчиво искало адекватные формы и методы руководства промышленностью в новых условиях. Принципиальными были решения IV Съезда ВСНХ (май 1921 г.), августовские решения СНК и СТО, определившие необходимость концентрации промышленности на наиболее важных и крупных предприятиях, их объединения на началах хозрасчета. Вместе с тем инструкция Госплана допускала возможность убыточности для предприятий, необходимых для перспективного развития и общих текущих нужд народного хозяйства. И в этом уже, отмечала Э. Б. Генкина, заключалось воздействие на советскую экономику (помимо закона стоимости) закона планомерного развития народного хозяйства [Там же, с. 238]. В этой логике внимание читателя сосредотачивалось главным образом на нормативно-

организационных актах, свидетельствующих о «внимании» правительства к проблемам восстановления различных отраслей промышленности. Соответственно, за неисполнением намеченных планов нередко обнаруживался злой умысел разного рода вредителей, как в случае с Волховстроем.

Переход к нэпу вызывал к жизни новые задачи в области организации и оплаты труда. Ведь для роста производительности труда необходимо было «совершить переход от системы равных бесплатных выдач к системе оплаты труда в непосредственной зависимости от ее продуктивности» [Там же, с. 260]. В этой связи автор обращала внимание на установление декретом Совнаркома от 7 апреля 1921 г. «О натуральном премировании рабочих» «некоторых новых принципов» такого стимулирования. Так, апрельский декрет 1921 г., в отличие от июньского декрета 1920 г., предусматривал индивидуальное премирование в зависимости от производительности труда отдельного рабочего. Правда, такое решение не являлось в полной мере приемлемым, поскольку рабочий должен был самостоятельно реализовывать на рынке полученную в качестве премии продукцию.

Повысить меру поощрения производительного труда должны были решения СТО (17 июня 1921 г.) и СНК (12 июля 1921 г.) о коллективном снабжении, подразумевающие обязательное сокращение персонала с сохранением фонда заработной платы. Этой же цели служили изменения в тарифной политике. Согласно постановлению Совнаркома от 7 апреля 1921 г. «Об урегулировании оплаты труда рабочих», отменялось ограничение приработка при сдельно-премиальной системе, разрешалась упрощенная система связи между производительностью и суммой заработной платы рабочего. Исходя из решения IV съезда профсоюзов, увеличивалась разница в тарифе между отдельными разрядами в пользу квалифицированных работников. Итогом же длительного и всестороннего обсуждения вопросов тарифной политики в Центральном Комитете партии, СТО, СНК и ВЦСПС стало «Основное положение по тарифному вопросу», принятое 10 сентября 1921 г. в ВСНХ. Теперь в заработную плату должны были входить все виды выдач рабочим и служащим, и одновременно провозглашалась цель постепенного сокращения ее натуральной части. Также «в декрете ставился важнейший вопрос об обеспечении действительной гарантии оплаты труда, чтобы рабочие не теряли на колебаниях курса рубля и цен на продукты» [Там же, с. 267]. Кроме того, принципу коллективного снабжения на основе количества занятых рабочих противопоставлялся принцип оплаты единиц выпущенного фабриката. Отныне и сметы на заработную плату предприятий должны были исчисляться по количеству выпускаемых изделий, т.е. в соответствии с производственной программой.

Статистические данные свидетельствовали: верные решения правительства обеспечили значительный подъем реальной заработной платы уже в первые два года нэпа, так же как и процесс ее денатурализации. Перестройка промышленности обеспечила необходимые условия для ее быстреего восстановления. К концу 1921 г. улучшилось положение в топливной промышленности и металлургии, наблюдался рост производства в легкой промышленности. Выросла производительность труда. Повернулся вспять процесс распыления основных промышленных кадров. Понятно, что в реальном мире отечественной промышленности этого периода оставались большие проблемы объективного характера. И о некоторых из них, как о безработице, Э. Б. Генкина упоминает. Однако в логике телеологической методологии автор предпочитала рассматривать внутрипроизводственные процессы этого периода почти исключительно как мобилизационные феномены нового отношения к «подинно свободному» труду. Отсюда особое внимание к субботникам, чествованию героев труда [Там же, с. 323-331]. Тем самым собственно «нэповские» аспекты функционирования промышленности выносились за скобки исторического полотна для узких специалистов по экономической истории.

Подытоживая, отметим следующее. В 20-е годы XX в. на страницах экономической периодики был представлен достаточно глубокий анализ проблем нэповской экономики, в том числе комплекс вопросов, связанных с эффективностью труда. В 30-е годы власть поставила задачу историографического осмысления советского периода истории с позиции жесткого идеологического канона, хотя и выражала пожелание о соблюдении принципа историзма. Первичное значение, конечно, имел канон, поэтому авторы, публикующие свои тексты в течение последующих двух десятилетий, не питали иллюзий. Именно этим объясняется тот факт, что рассмотрение проблем эффективности труда этого, как и других периодов советской истории, в целом было упрощенным. Почти везде действовала нехитрая схема: проблема – резолютивное решение – мобилизация трудового энтузиазма – результат. Очевидно, исторические тексты, в отличие от специальной литературы, выполняли идеологическую функцию. Поэтому лишь внутри этой схемы отдельные авторы могли демонстрировать грани своего индивидуального профессионализма.

Список литературы

1. **Генкина Э. Б.** Переход советского государства к новой экономической политике (1921-1922). М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 504 с.
2. **Курдюмова Е.** Большевики Донбасса в борьбе за восстановление промышленности в период перехода партии на мирную работу (1921-1925 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 3-29.
3. **Лященко П. И.** Народное хозяйство СССР в восстановительный период (1921-1925) // Вопросы истории. 1953. № 7. С. 32-55.
4. **Матюгин А.** Промышленность Москвы в восстановительный период (1921-1925 гг.) // Вопросы истории. 1947. № 9. С. 36-57.
5. **Парадизов П.** О создании научной истории промышленности // Борьба классов. 1934. № 4. С. 20-26.
6. **Поселянина А.** Восстановление завода «Серп и молот» // Борьба классов. 1934. № 7-8. С. 189-195.
7. **Радек К.** Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского // Борьба классов. 1936. № 3. С. 24-38.
8. **Юраго М.** Борьба за восстановление промышленности Петрограда (1921-1923 гг.) // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 34-39.
9. **Ярославский Ем.** Ленин и нэп // Борьба классов. 1931. № 1. С. 12-24.

PROBLEMS OF LABOUR EFFICIENCY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE 30-50S OF THE XX CENTURY

Volodin Sergei Filippovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy
volodin93@yandex.ru

The article considers the attempt of interpreting labour efficiency problems during NEP by historiography of the 1930-1950s. The works of E. Genkina, E. Kudyumova, P. Lyashchenko, A. Matyugin, A. Poselyanina, M. Yurago and others are analyzed. In the 30s the government set the task of reasoning the soviet period by the soviet historians from the position of the rigid ideological canon. The authors, who studied the problem of labour efficiency during NEP, also followed this canon.

Key words and phrases: wage; NEP; labour productivity; rationalization of production; labour discipline.

УДК 340.123

Юридические науки

Статья раскрывает значение конституционных проектов декабристов с точки зрения подхода новой культурно-интеллектуальной истории. Автор обращает внимание на конституционные проекты декабристов не только как на произведения государственно-правовой мысли, продолжившие формирование основ конституционного права в первой четверти XIX века, и политические манифесты, но и как на формы отражения исторического сознания самих декабристов.

Ключевые слова и фразы: конституционное право; конституционные проекты декабристов; проекты государственного устройства; история государства и права XIX века; культурно-интеллектуальная история; историческое сознание.

Вольф Светлана Павловна, к.и.н.

Сибирский институт бизнеса и информационных технологий
volf_svetlana@rambler.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ДЕКАБРИСТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОДХОДА НОВОЙ КУЛЬТУРНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ[©]

Уровень политико-правового и социально-экономического развития государства отражает система права. Первая четверть XIX века в этом плане привнесла немалые перемены в государственно-правовое развитие России. С началом этого столетия страна вступила в новый этап развития.

На формирование внутривнутриполитического курса Александра I в контексте реформирования российского абсолютизма значительное влияние оказали его личные политические взгляды, близкие к доктрине умеренного конституционализма. Александр I, не удовлетворенный результатами политики своих предшественников, решил провести серьезные преобразования как государственного строя, так и социальных отношений.

Проект Жалованной грамоты российскому народу, который задумывался как программный манифест, приуроченный ко дню коронации в сентябре 1801 года, стал одним из первых шагов на пути преобразований государственного строя и социальных отношений. Принципы, заложенные в Жалованной грамоте российскому народу 1801 года, оказали огромное влияние на разработку последующих конституционных проектов – проекта реформирования органов исполнительной власти А. Чарторыйского 1802 года [7, д. 14, л. 56], проекта М. М. Сперанского 1809 года [10], а также Уставной грамоты Российской империи 1818-1820 годов Н. Н. Новосильцева [7, д. 504, л. 1 – 44 об.], которая стала своеобразным финальным аккордом всей политики правительственного конституционализма Александра I. Ряд положений Государственной Уставной грамоты нашел затем свое отражение в Конституции Н. М. Муравьева, был в дальнейшем использован при разработке подходов к формированию системы права в России, отвечающей уровню ее социально-экономического и политико-правового развития. Так проекты государственного устройства декабристов стали не только уникальным явлением в развитии государственно-правовой мысли России, но продолжили формирование основ конституционного права в первой четверти XIX века.

Конституционные проекты декабристов традиционно рассматриваются как выражение восприятия идей европейского Просвещения. Особенно исследователи подчеркивали повсеместное влияние идей Французской революции, оказанное на декабристов в целом. Революционность и реакционность идей декабристов всегда выступали лейтмотивом в описании их замыслов государственных преобразований. Так, по мнению С. В. Мироненко, «конституция Н. М. Муравьева несла в себе революционную ликвидацию самодержавия и крепостного права»